

Глава 4

А не прикинуться ли мне милым и послушным?

Чэнь Шэ был непредсказуем в своих настроениях, и даже такой проницательный человек, как Цзян Чжэнлю, не мог постичь ход его мыслей.

— Приведите в порядок дворец Даньцзю. Юный господин будет жить там.

Сюнь Е опешил. Разве владыка не говорил, что мальчишку следует запереть в каком-нибудь захудалом дворике, дабы избежать лишних хлопот? Почему же после одной-единственной встречи он отдает ему дворец Даньцзю?

Лица старейшин тоже изменились, и они в один голос воспротивились:

— Как можно жить во дворце Даньцзю?!

— Юный господин обладает благородным статусом, как он может жить в... в том месте! Лучше ему остаться со старейшиной Цзяном, так за ним будет удобнее присматривать!

— Дворец Даньцзю — это место, где юный господин жил в детстве. Почему же ему нельзя там жить? — равнодушно возразил Чэнь Шэ.

Присутствующие помрачнели.

«Конечно же, из-за тебя, неужели сам не понимаешь?»

Терраса Бихань находилась совсем рядом с дворцом Даньцзю, их разделял лишь подвесной мост. Оставить У Линчаня под самым носом у Чэнь Шэ было всё равно что отдать ягнёнка на съедение волку. Они боялись, что этот деспот в один прекрасный момент, поддавшись дурному настроению, просто убьёт юного господина.

— А каково мнение самого юного господина? — вскинул бровь Чэнь Шэ.

У Линчань смутно понял, что речь идёт о жилье. Не зная, что ответить, он послушно проговорил:

— Всё как решит а-сюн.

— Хорошо.

Решение безжалостного бога изменить было нельзя.

Присутствующие понурились, словно потерпели сокрушительное поражение. Они не только не смогли навредить Чэнь Шэ, но и потеряли юного господина.

У Линчань сделал пару шагов, но, словно что-то вспомнив, обернулся и спросил:

— А-сюн, можно мне... попросить человека... для защиты?

Он слышал, что в землях демонов опасно. Сам он был лишён духовной силы, а дух Сюаньсян Тайшоу был разбит. Чтобы восстановить его, нужно было как можно скорее вернуть своё золотое ядро.

И на время восстановления лучше бы иметь рядом сильного защитника для душевного спокойствия.

У Линчань так увлёкся своими мыслями, что не заметил, как изменились лица присутствующих.

Сердце Цзян Чжэнлю тяжело ухнуло.

Он-то думал, что этот юный господин У — наивный простачок, которого можно лепить как угодно, но оказалось, что у него есть голова на плечах.

Взвесив все за и против, он понял, как нужно действовать: отказаться от притязаний на трон, чтобы угодить Чэнь Шэ, но при этом, осознавая опасность своего положения, попросить защиты, чтобы хотя бы не умереть безвестной смертью.

Сюнь Е лишь холодно усмехался.

«Уже попал в клетку, а всё ещё надеется сговориться с Цзян Чжэнлю?»

На лице Чэнь Шэ, впрочем, не отразилось никаких эмоций. Он с обворожительной улыбкой ответил:

— Конечно. И кого же ты хочешь выбрать своим защитником?

Цзян Чжэнлю уже собирался выступить вперёд.

— Его, — У Линчань указал пальцем.

Цзян Чжэнлю замер.

Взгляд У Линчаня был устремлён на Сюнь Е, и злорадное выражение на лице того мгновенно застыло.

«Кого?»

Цзян Чжэнлю тихо ахнул — то ли от глупости У Линчаня, то ли от его дерзости.

Сюнь Е, взбешённый, свирепо уставился на него, готовый по первому же приказу Владыки Чэня снести наглецу голову.

Прошло три томительных вдоха, но вместо приказа раздался тихий смех Чэнь Шэ.

— В Пустоши Куньфу много демонических зверей, но они не осмеливаются бесчинствовать во дворце Даныцзю, — Владыка достал из рукава золотой колокольчик и протянул его У Линчаню. Красный шнурок с подвеской слегка качнулся, издав мелодичный звон. — ...Если боишься, этот колокольчик выдержит удар заклинателя на стадии трансформации духа. Возьми.

Сюнь Е застыл.

Его глаза едва не вылезли из орбит.

У Линчань любил всё красивое. Он взял колокольчик, потряс его, а затем с сомнением посмотрел на Сюнь Е — тот казался таким послушным, было бы здорово заполнить его себе.

Но раз Чэнь Шэ отказал, У Линчань не стал настаивать:

— Спасибо, а-сюн.

— Хочешь чего-нибудь ещё? — спросил Чэнь Шэ.

— Нет.

— Хороший мальчик. Иди.

У Линчань, сжимая в руке колокольчик, со звоном последовал за Цзян Чжэнлю.

Остальные, затаив дыхание, гуськом потянулись за ними. Едва покинув Террасу Бихань, они тут же окружили У Линчаня.

Тот инстинктивно прижал к себе золотой колокольчик, опасаясь подвоха.

Но старейшины смотрели на него с сочувствием, тяжело вздыхая, словно перед ними был обречённый на смерть глупый ребёнок.

Навздыхавшись вдоволь, они принялись совать ему в руки различные артефакты.

— Это Зеркало Сюаньци. В случае опасности оно призовет метеор, который уничтожит и тебя, и врага.

— ...Четыре яшмовых камня. Если враг окажется сильнее, они перенесут тебя на десять тысяч ли, но заберут половину твоей жизненной силы. Используй с осторожностью.

— Одежды Уцзин, защищают от огня и воды...

У Линчань, ошеломлённый, принял груды подношений и под сдавленные рыдания старейшин последовал за Цзян Чжэнлю во дворец Даньцзю.

...Судя по их виду, он отправлялся напрямиком в преисподнюю.

Снаружи постепенно стихли звуки.

Чэнь Шэ медленно вернулся за ширму и небрежно провёл пальцами по струнам древней цитры.

Сюнь Е, опасаясь, как бы владыка в порыве вдохновения не исполнил ещё одну демоническую мелодию, поспешно сказал:

— Цзян Чжэнлю сегодня использовал родословную юного господина как предлог. Боюсь, его замыслы не так просты. Владыка, не стоит больше проявлять милосердие. Нужно немедленно устранить его, чтобы избежать будущих проблем.

— Цзян Чжэнлю не дурак, — равнодушно отозвался Чэнь Шэ. — Он знает, что юный господин без духовной силы не представляет для меня угрозы. Весь этот спектакль был затеян, чтобы выиграть время и помешать мне как можно скорее получить печать владыки.

— Он всё ещё надеется на демоническую ци из Ванлэин? — опешил Сюнь Е.

Ванлэин населяли десятки миллионов демонических зверей, а демоническая ци рождалась из кровавого моря в его центре. И звери, и ци были запечатаны барьером, созданным законами

Небесного Дао.

Однако в последние десятилетия барьер ослабел, и по всем Трём мирам то и дело стали появляться пространственные разломы, из которых выползали свирепые демонические звери и демоническая ци, неся хаос и разрушение.

После того как предыдущий владыка демонов уединился, Чэнь Шэ, временно заняв его место, использовал свою духовную силу для латания разломов.

Но это было лишь временной мерой.

Чтобы окончательно укрепить барьер, нужно было получить истинную печать владыки.

Чэнь Шэ хотел полностью запечатать Ванлэин, в то время как Цзян Чжэнлю стремился к рискованному обогащению.

Сегодняшнее выступление Цзян Чжэнлю, использовавшего родословную У Линчяня, было попыткой отсрочить получение Чэнь Шэ печати, чтобы успеть извлечь из разломов как можно больше демонической ци.

— Владыка уже убил десять старейшин. Неужели ещё один, Цзян Чжэнлю, станет проблемой?
— нахмурился Сюнь Е.

Чэнь Шэ легко коснулся струны, издав трескучий звук. Он не ответил на вопрос, а лишь холодно спросил:

— Узнай, почему У... почему он внезапно вернулся в Пустошь Демонов.

— Слушаюсь, — ответил Сюнь Е, хотя в душе его терзали сомнения.

У Линчань был беззащитен. Если он начнёт создавать проблемы, его можно просто убить. Зачем тратить время на расследование?

Но, немного поразмыслив, Сюнь Е всё понял.

— Владыка опасается, что юный господин, снедаемый амбициями, сговорится с Цзян Чжэнлю?

— Амбициями? — усмехнулся Чэнь Шэ.

— Именно, — подтвердил Сюнь Е. — При первой же встрече он бросил мне вызов. А во дворце притворялся дурачком. Его возвращение в такой момент, несомненно, преследует какую-то

цель.

— Глупый ребёнок, взращённый этими никчёмными праведными орденами. Какие у него могут быть амбиции? Ты его переоцениваешь, — рассмеялся Чэнь Шэ.

Что же до скрытых мотивов...

Чэнь Шэ провёл пальцем по струне, и та с громким треском лопнула.

Ему было любопытно, ради чего этот юный господин так старательно прикидывается милым и послушным.

Дворец Даньцзю отделяла от Террасы Бихань лишь длинная галерея.

С одной стороны — заснеженная бамбуковая роща, с другой — пылающий осенний кленовый лес.

У Линчяня на мгновение ослепило от обилия багрянца. Всё вокруг казалось одновременно чужим и знакомым. Сгорая от любопытства, он принялся бродить по дворцу.

Цзян Чжэнлю снял с него накидку и, колеблясь, посмотрел на юного господина.

Одиннадцать лет прошло. Воспоминания о жизни до пяти лет были подобны сну, но запах дворца Даньцзю, сотканный из ароматов поздней осени и заката, казалось, был выжжен в его душе.

Память почти стёрлась, но сердце знало покой.

Во дворце Даньцзю никто не жил. В светильниках висели жемчужины, отгоняющие пыль, и за одиннадцать лет здесь не скопилось ни пылинки.

Внутренние покои были обставлены изысканно и с заботой.

Резное деревянное окно было распахнуто. Перед низким столиком лежали две подушки для сидения — большая и маленькая. На столике — развёрнутый свиток размером с ладонь и разбросанные по полу детские игрушки.

Даже по этим мелочам было видно, как здесь баловали ребёнка.

У Линчань, следуя смутным воспоминаниям, сел за столик. Ему показалось, будто кто-то сидит сзади, держит его руку и выводит на свитке иероглифы.

Он посмотрел на свиток и увидел искусно написанный иероглиф «Чэнь».

Рядом виднелся отпечаток детской ладошки.

У Линчань с любопытством склонил голову.

Неужели в детстве они с Чэнь Шэ были так близки?

Цзян Чжэнлю заменил жемчужины в светильниках. Сняв старые, он заметил, что их меняли совсем недавно.

Государь Цзюйфу был заточён Чэнь Шэ, а Владычица У погибла.

Кто же ещё мог заботиться о том, чтобы в покоях юного господина не было пыли?

Цзян Чжэнлю опустил глаза, скрывая смешанные чувства.

— Старейшина, в детстве мы с а-сюном... были близки? — спросил У Линчань, подперев щёку рукой.

Цзян Чжэнлю на мгновение замешкался, а потом улыбнулся:

— Когда юный господин родился, Владыка Цзюйфу и Владычица У были заняты войной со звериным приливом в Ванлэин и не возвращались несколько лет. Вас воспитывал Владыка Чэнь, так что, полагаю, вы были близки.

У Линчань кивнул, ничего не поняв.

Значит, неудивительно, что тот учил его писать.

— Чэнь Шэ не родной сын Владыки Цзюйфу, его кровь нечиста, — мягко продолжил Цзян Чжэнлю. — Когда-то он был в беде, и государь спас его. С вами ему, конечно, не сравниться.

— А? Что? — У Линчань моргнул, его лицо выражало полное недоумение.

Цзян Чжэнлю, видя, что тот притворяется дураком, лишь тихо вздохнул.

Дело было сделано, и говорить что-либо ещё было бессмысленно.

Цзян Чжэнлю достал три яшмовых таблички:

— Юный господин вернулся домой. С прошлым в мире людей покончено, и имя следует сменить. Это имена, данные вам при рождении Великим старейшиной и духом предков.

— А?

— ... — Цзян Чжэнлю почувствовал себя странно. Этот ребёнок будто не понимал слов. Пришлось объяснить короче: — Имя юного господина. Один иероглиф от Великого старейшины, другой — от духа предков.

— О-о! А почему не отец с матерью?

Цзян Чжэнлю снова хотел было пуститься в рассуждения о родословной, но, увидев, что У Линчань снова собирается сказать «А?!», ответил:

— В Пустоши Куньфу таков обычай. Имена тем, у кого чистая кровь, дают Великий старейшина и дух предков.

У Линчань всё понял и с любопытством посмотрел на два золотых иероглифа на яшмовых табличках.

— А как это читается?

Цзян Чжэнлю коснулся таблички, и золотой свет, вырвавшись из тёмно-синего яшмы, медленно обрисовал в воздухе витиеватый иероглиф.

— Юный господин родился в день, когда демонических зверей в Ванлэин снова запечатали. Это было небесное знамение. Великий старейшина дал вам иероглиф «Кунь», что означает «непоколебимый в беде, бдительный и сдержанный».

У Линчань кивнул.

У Кунь...

Каким бы ни был второй иероглиф, это звучало внушительно. Гораздо лучше, чем его нынешнее имя.

У Линчань посмотрел на другую, алую яшмовую табличку, и, разглядев на ней иероглиф,

дёрнул бровью.

Он знал не так много иероглифов, но мог различить, что на алой и тёмно-синей табличках...

Кажется, был один и тот же иероглиф.

Уголки губ У Линчаня дрогнули.

...У Кунькунь?

Так значит, Чэнь Шэ сегодня называл его не «братишка», а «Кунькунь»?

У Линчань промолчал.

Совсем не внушительно.

Когда два иероглифа «Кунь» вошли в его море сознания, в смертном теле У Линчаня, лишённом золотого ядра, внезапно появилась мощная и скрытая духовная защита, укоренившаяся в его душе.

Похоже, имена, данные старейшинами и духом предков, действительно приносили пользу.

У Линчаню не хотелось носить такое невнушительное имя, но ради этой защиты он проглотил свой протест.

Он посмотрел на третью табличку:

— А это что?

— Это оставил вам Владыка Цзюйфу. Я не знаю, что внутри.

У Линчань на мгновение замер, осознав, что государь Цзюйфу — его родной отец.

Родной сын вернулся, а отец передал ему через Цзян Чжэнлю лишь невзрачную яшмовую табличку. Похоже, он не очень-то о нём заботился.

Неудивительно, что в детстве он отдал его на воспитание Чэнь Шэ.

Вспомнив о Чэнь Шэ, У Линчань с любопытством спросил:

— А моему а-сюну кто дал имя?

При этом вопросе лицо Цзян Чжэнлю изменилось. Он кашлянул и сказал:

— Не спрашивай об этом при Владыке Чэне.

У Линчань не понял почему, но послушно кивнул.

Цзян Чжэнлю мягко наставил его ещё о нескольких вещах и ушёл.

Наступила ночь.

Огромный дворец Даньцзю был тих и спокоен. Кленовый лес пылал в свете фонарей, словно облака на закате.

У Линчань, провозившись весь день, наконец-то смог расслабиться. Он немедленно погрузился в медитацию, чтобы с помощью своей духовной связи проверить состояние Сюаньсян Тайшоу на запястье.

Сюаньсян, спасая его, принял удар на себя. В море сознания плавали лишь тонкие нити туши, он был тяжело ранен.

К счастью, духовная сила от двух иероглифов «Кунь» медленно восстанавливала его дух.

— Мо Бао?

Нить туши слегка шевельнулась, но больше никакой реакции не последовало.

У Линчань, немного подумав, решительно сел на лежанку, скрестив ноги, и достал траву бамбуковой цикады.

Сейчас важнее всего было как можно скорее восстановить золотое ядро.

У Линчань кончиками пальцев выжал из цветка травы крошечную каплю сока и, умело поместив её в свой внутренний дворец, предпринял восьмую попытку собрать духовную силу.

Он уже привык к этому процессу. Быстро впусив в себя ци, он осторожно направил духовную силу во внутренний дворец.

Расколотое золотое ядро, словно рой светлячков, рассеянный по его телу, под действием

духовной силы медленно начало собираться воедино.

Осколки, один за другим, притягивались к центру.

У Линчань, погружившись в себя, безучастно наблюдал за процессом.

И вот, в тот миг, когда осколки почти соединились, духовная сила внезапно рассеялась.

Лицо У Линчаня изменилось.

Золотое ядро с грохотом взорвалось во внутреннем дворце.

У Линчань сильно качнулся, и кровь хлынула из его рта.

...Восьмая попытка, и снова неудача.

У Линчань был бледен как смерть, на губах запеклась кровь. Его прекрасное, почти неземное лицо стало хрупким, словно тающий снег. Он полулежал на лежанке, тяжело дыша.

Кровь, брызнувшая на одежду, расцвела тёмно-красным цветком.

После предыдущих семи неудач У Линчань думал, что ему просто не везёт, что такова воля небес.

Но теперь, вернувшись в земли демонов, он наконец понял, что, вероятно, проблема была в самом источнике его развития.

Чистокровный демон, практикующий даосские техники для создания золотого ядра. Неудивительно, что оно разлеталось на мириады осколков.

У Линчань вытер кровь с губ и задумался.

Нужно найти какого-нибудь демона-заклинателя и спросить, как правильно развиваться.

У Линчань поднялся с лежанки и, распуская пояс, направился во внутренние покои.

Но, не пройдя и нескольких шагов, он замер.

Сюаньсян Тайшоу слабо вспыхнул, и инстинктивный страх, словно за ним наблюдает дикий

зверь, охватил его.

У Линчань затаил дыхание и повернул голову.

Вокруг царила тьма. Светильники, неизвестно когда, погасли. В воздухе, словно трещина, висел разлом, из которого сочился странный фиолетовый туман, мерцающий, как рой светлячков.

В тумане вспыхнули несколько алых точек. Постепенно их становилось всё больше, и вот уже десятки красных огоньков, то вспыхивая, то угасая, уставились на У Линчаня.

Это были глаза.

Глаза демонических зверей.

<http://bllate.org/book/16997/1581139>